

Учреждение Православной духовной миссии как попытка осуществления российского «культурного влияния» в Корее

Юлия Мазурика

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

E-mail: yumaz@rambler.ru

В современных постколониальных студиях большое внимание уделяется изучению проблем «культурного империализма»/«культурного колониализма». Одним из наименее изученных аспектов данного дискурса является христианское миссионерство, которое в XIX – первой половине XX вв. находилось в тесной взаимосвязи с колониальной политикой ведущих стран Запада, часто выходя за рамки исключительно религиозной деятельности и преследуя более широкомасштабные цели. Российское правительство, видя большой успех иностранных миссионеров на этом поприще, также стремилось к учреждению своих православных миссий в странах, где имело наибольший политический и экономический интерес. Ярким примером учреждения духовной миссии «в противовес всё увеличивающемуся влиянию иностранных миссионеров», а также с целью «проведения в корейскую жизнь православных русских начал» является Православная миссия в Корее, учрежденная в 1897 г. по инициативе Министерства иностранных дел Российской империи и лично министра финансов С. Ю. Витте. Посредством распространения православия предполагалось способствовать усилению российского культурного влияния в Корее, укрепляя тем самым влияние политическое. Однако отсутствие поддержки и полное невнимание к нуждам новоучрежденной миссии характеризуют дальнейшее отношение как непосредственных её организаторов, так и Святейшего Синода.

В этой связи целью данного доклада является исследование взаимосвязи основных задач, ставившихся перед вновь учрежденной Православной духовной миссией в Корее, и их последующей реализации на протяжении начала XX в. На основании архивных источников (переписки обер-прокурора Св. Синода, министра финансов С. Ю. Витте и руководства российского МИД) сделаны попытки проанализировать, с одной стороны, причины угасания внимания к деятельности Корейской миссии в правительственных кругах Российской империи, с другой – степень реальных возможностей Русской Православной Церкви соперничать с католическими и протестантскими миссионерами в Корее.

Проведённое исследование показало, что деятельность православных миссионеров так и осталась лишь попыткой проведения российского «культурного влияния» в Корее, поскольку осуществлению более масштабных «культурных» целей, которые были бы сопоставимы с результатами миссионерской работы иностранных миссионеров, препятствовал целый ряд причин. Современные исследователи данной проблематики (А. Волохова, Т. Симбирцева, Л. Иванова, Августин (Никитин) и др.) склонны объяснять причины неудач православных миссионеров в Корее исключительно историческими обстоятельствами, а

именно русско-японской войной и дальнейшими революционными событиями в России, помешавшими Православной духовной миссии в Корее развивать свою деятельность в полном объеме. На наш взгляд, для оценки результатов миссионерских усилий православных миссионеров необходимо рассматривать историю Корейской духовной миссии в тесной взаимосвязи как с пассивной миссионерской традицией Русской Православной Церкви, так и с отсутствием эффективной практики использования «культурного влияния» в российском имперском дискурсе в целом. Российское правительство желало бы значительных успехов православных миссионеров в Корее, однако не было готово их финансировать. Св. Синод, в свою очередь, лишь частично финансировал Российские духовные миссии за границей, получая средства на их содержание из сумм Государственного казначейства. Таким образом, зависимость высшего органа управления Русской Православной Церковью от государства в этот период затрудняла как финансирование духовных миссий, так и решение наиболее важных миссионерских проблем, каждая из которых непременно согласовывалась с Министерством иностранных дел (в случае заграничных миссий) или Государственным советом. Подобная ситуация и обусловила невозможность эффективного российского культурного присутствия в Корее.